

ПРЕЖДЕ всего загадкой является причина его смерти. В самом деле, несмотря на опубликованное в "Литературном наследстве" заключение доктора Пекеллиса, добросовестно описавшего состояние Блока перед кончиной, из этого заключения мы ничего не узнали о том, что стало причиной самой болезни, в чем заключался тот самый отмеченный Корнеем Чуковским "загадочный, неизлечимый недуг, который и свел его так скоро в могилу", начавшийся зимой 1920 года.

Далеко не все в этом недуге объясняется голодом и холодом времен гражданской войны и военного коммунизма. Однако размышлять над этим непрофессионалу бесполезно, в квалификации этого таинственного недуга решающее слово предстоит сказать медикам, биографы могут только подбросить информацию для размышления.

Но в блоковском уходе из жизни есть и загадки, которые не требуют специальных знаний. Требуют же они чего-то иного, каких-то новых подходов и точек зрения, поскольку, как и многое другое в судьбе и биографии поэта, не поддаются объяснению в границах трех измерений. Блок не случайно был и остается крупнейшим русским поэтом-мистиком XX века, единственным подлинным наследником Владимира Соловьева-поэта: ни одна подробность, ни одно событие блоковского биографии не могут рассматриваться только как эмпирический факт. Всякий стремящийся понять Блока просто обязан если не усвоить, то хотя бы принять в рассмотрение тот совершенно особый угол зрения, под которым воспринимал реальность сам Блок, обладавший способностью даже в самых обычных житейских событиях ощутить зов иных миров.

Эту способность он потерял только в самом конце жизни, когда ее сменила горькая ирония, с которой отзывался Блок обо всем происходящем.

В последние годы жизни это был уже совсем другой человек, навсегда утративший способность рассматривать реальность через магический кристалл личной мистики, сам он называл это "утратой лафоса". Настоячиво повторяющиеся признания в своей глухоте объяснялись именно этим: за событиями он перестал слышать ту музыку, которая придавала им смысл, а вне этого смысла реальность как бы не существовала для него. Все это придавало, по последним годам его жизни мрачный и трагический оттенок.

Но как бы мрачно ни смотрел на реальность в последние годы жизни сам Блок, выйти из сферы мистического и символического пространства было ему не дано, она срослась с ним органически. В блоковском уходе из жизни, несомненно, есть как минимум два момента, поддающихся только мистическому объяснению. Прежде всего это относится к обувшей Блока страсти к разрушению. Из воспоминаний Любови Дмитриевны Блок, неотлучно находившейся при нем в последние месяцы жизни, известно, что накануне смерти его одолевали приступы, во время которых он бил, ломал и сокрушал все, что попадалось под руку; это совершал тот самый Блок, который на протяжении всей своей жизни страдал как раз манией аккуратности.

"На столе у Блока, — вспоминал Корней Чуковский, — был такой необыкновенный порядок, что какая-нибудь замусоленная, клочковатая рукопись была бы здесь совершенно немислимой. Позднее я заметил, что все вещи его обихода никогда не располагались вокруг него беспорядочным ворохом. А, казалось, сами собой выстраивались по геометрически правильным линиям".

Претворение хаоса в гармонию было не только творческим, но и жизненным призванием Блока. И каждый, кто хотя бы краем глаза заглядывал в блоковский архив, в дневники и записные книжки, в черновики и письма, наконец, в деловые бумаги, наверняка обращал внимание на царящий там почти идеальный порядок. Даже в скучной секретарской работе

Евгения ИВАНОВА

"Уходя в ночную тьму..."

Лит. газ. — 1996 — 18 сент. — с. 6.
Заметки о кончине Александра Блока

Печатью таинства или трагедии отмечен уход из жизни многих русских поэтов XX века. Мы не знаем и никогда не узнаем, что думал Гумилев перед расстрелом, что толкнуло Есенина, Маяковского, Цветаеву да и не только их к последнему решительному шагу, мы точно не знаем, где находится могила Мандельштама, а могилы Ходасевича, Георгия и Вячеслава Ивановых отделены от нас не только огромными расстояниями, но и государственными границами.

На этом фоне кончина Блока, происшедшая вследствие болезни, в своей стране, в своей постели, оплаканного целым поколением преданных читателей, по-настоящему любивших и понимавших его стихи, которые саму эту кончину воспринимали как личную утрату, может показаться едва ли не редким в XX веке благополучным примером. И тем не менее этот уход содержит свои тайны, разгадка которых таит в себе не меньшие сложности.

Блок не забывал аккуратно и единообразно надписывать все обложки, не ленился составлять бесконечные перечни, после каждого заседания заносил впечатления от него в записную книжку или дневник (иногда и туда, и туда одновременно).

И вот этот же самый Блок перед смертью во время приступов бил и крушил все, что попадалось на его пути, а во время одного из таких приступов он совершил акт, полный эмблематического смысла: разбил кочергой маску Аполлона — жест, достойный поэта-символиста, смысл которого раскрывают его же собственные стихи:

Молчите, проклятые книги,
Я вас не писал никогда...

Гармония и хаос, которые всегда были противоборствующими основами его мировосприятия, словно сошлись перед самой его кончиной в последнем и решительном поединке, принявшем форму физически ощутимую.

ДРУГАЯ загадка, также требующая вторжения в сферу бессознательного, связана с последним произведением, отдельное издание которого он готовил к печати уже перед самой смертью — с очерком "Последние дни императорской власти".

В творчестве Блока эта книга стоит как бы особняком, на обложке он даже назван не автором, а составителем. Очерк был написан по заданию Чрезвычайной следственной комиссии, в которой Блок работал редактором стенографических отчетов, и полностью основывался на документах. Первоначально блоковский очерк должен был войти как составная часть, как отдельная глава в общий отчет комиссии.

Придя к власти, большевики закрыли комиссию (к чему расследования, рассудили они и попросту расстреляли всех оставшихся в заключении царских министров и сановников), и Блок завершил свой очерк по настоянию П. Е. Щеголева для журнала "Былое", где он и был впервые

опубликован под заглавием, которое получил в комиссии, — "Последние дни старого режима". Работу над очерком Блок завершил весной 1918 года, а окончательную рукопись была передана в журнал "Былое" в конце 1918 года, где она и была опубликована (№ 15, 1920).

Отдельное издание очерка Блок готовил в начале 1921 года для издательства "Алконост". Он дал ему новое заглавие — "Последние дни императорской власти", снабдил документальными приложениями, внес стилистическую правку. Предисловие к этому изданию стало последним произведением умирающего Блока. Но самое, может быть, интересное в истории этой книги — заключение, которое получил текст очерка. Сам очерк строился как сугубо документальное повествование, цель которого состояла в том, чтобы более или менее подробно обрисовать обстоятельства, предшествовавшие подписанию отречения Государя Императора от престола.

Журнальный вариант очерка заканчивался словами: "8 марта бывший император выехал из Ставки и был заключен в Царское-Сельское Александровском дворце". Но вот работая над текстом отдельного издания очерка накануне смерти, Блок делает вставку, которую невозможно объяснить и которую невозможно никак связать с его мировоззрением. Тем не менее эта вставка привносит в очерк смысл, которого в нем прежде не было. С точки зрения документальной ценности она не представляет никакого интереса — перед нами не более чем письмо неизвестного, причём принадлежащее человеку, явно ничем себя не прославившему. Почему именно этому письму Блок определяет роль заключительного аккорда в своем очерке, то есть ставит его на особое место, остается главной загадкой этой книги, потому что благодаря этой вставке по законам композиции, сообщающим особое значение финальным аккордам, текст, где

речь все время шла о неизлечимой болезни, поразившей русский государственный организм, о несободности верхов управлений страной, о бездеятельности министров и отсутствии у них воли к власти, заключают слова, которые никак из этого содержания не вытекают. "Ваше Величество, — читаем мы в письме неизвестного монархиста, обращенном к Государю уже после его отречения от престола, — простите нас, если мы прибегаем к горячей мольбе к нашему Богу данному нам Царю, не покидайте нас, Ваше Величество, не отнимайте у нас законного наследника престола русского. Только с Вами во главе возможно то единение русского народа, о котором Ваше Величество изволите писать в манифесте. Только со своим Богом данным Царем Россия может быть велика, сильна и крепка и достигнуть мира, благоденствия и счастья".

Что побудило Блока внести эту неожиданную ноту — остается одной из загадок последних дней его жизни. Ясно, что эту вставку делал уже не тот Блок, который создавал поэму "Двенадцать", призывавший всем сердцем слушать революцию, а Блок, переживший череду самых разнообразных разочарований как на ниве строительства новой культуры, так и на различных общественных поприщах послереволюционных лет, Блок, видевший и красный террор, и большевиков, разъезжающих на рысках по городу, запевший захватить и начало нэпа, когда зававшийся бесследно стгнувшим страшный мир потихоньку начал выползти из подворотен и заполнять разгулом новых русских той эпохи улицы мертвого и голодного Петрограда.

Какой смысл следует придавать этой заключительной вставке? Содержится ли здесь некое указание на новый виток исторической спирали, в которую вступала тогда русская история, так и останется загадкой. Ибо "дальнейшее — молчание", как сказал бы Гамлет. Под предисловием "Последних дней императорской власти" стоит дата "июль 1921", а 7 августа поэта не стало.